
ГОРИЗОНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДЕКОДИРОВАНИЯ

HORIZONS OF INTERPRETATION AND DECODING

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 120–127.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(5(499)):120-127.

УДК 81'42

Научная статья

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-120-127

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПРИТЧЕВОГО ДИСКУРСА

Елена Михайловна Алексеева

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, welizhanina@mail.ru,
0009-0007-3169-6281

Аннотация. Статья посвящена исследованию категории хронологической перспективы, под которой понимается совокупность временных параметров и объектов, находящиеся в зависимости от точки зрения наблюдателя и референтно обращенные к семантическому ядру «время» / «Вечность». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лингвостилистических особенностей репрезентации хронологической картины видения, что позволяет выделить претативное своеобразие Верховной точки зрения. Теоретические основания исследования связаны с концептуальными положениями теории интерпретативного перспективирования и хронологической перспективы. Исследование проводилось на материале евангельского притчевого дискурса в русском и немецком переводах. Выявление и описание лингвостилистических параметров хронологической картины видения предполагало использование следующих методов: метод перспективирования, описательно-аналитический, семантико-контекстуальный и сравнительно-сопоставительный методы. В ходе исследования установлено, что на этапе поля глобализация хронологической картины видения приводит к тематизации темпоральных объектов на житейском уровне и этернатальных символов на сакрально-религиозном уровне евангельского притчевого дискурса. На этапе угла видения обнаружено, что аспектуализация хронологической перспективы приводит к спецификации рассматриваемых объектов: 1) брэнность видимого времени; 2) конечность видимого времени. На этапе фокуса хронологического видения выявлено, что фокализация аспектов рассматриваемой картины видения приводит к акцентуализации идей: о наступлении некоего важного события для человека как открытие времени о самом себе (καὶ ὁ αὐτός); идея о времени как о духовном действии (nicht schlafend, beten und nicht nachlassen); идея духовной вечности этернатального символа Слово Божие (das Wort Gottes).

Ключевые слова: хронологическая перспектива, духовная точка зрения, поле видения, угол видения, фокус видения, евангельская притча, интерпретативные лингвостилистические черты

Для цитирования: Алексеева Е. М. Хронологическая перспектива евангельского притчевого дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 120–127. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-120-127.

Original article

CHRONOLOGICAL PERSPECTIVE OF GOSPEL PARABLE DISCOURSE

Elena M. Alekseeva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. welizhanina@mail.ru, 0009-0007-3169-6281

Abstract. The article is devoted to the category of the chronological perspective in the Gospel parables as a set of temporal objects depending on the point of view of the observer and referentially addressed to the semantic core of “time” / “Eternity”. The relevance of the research is due to the need for a complex study of the linguostylistic features for the representation of the chronological picture of vision to identify the pretative originality of the Supreme

point of view. The theoretical foundations of the study are related to the conceptual provisions of the theory of interpretative perspectivation and chronological perspective. We conducted our study on the material of the gospel parable discourse in Russian and German translations. For the identification of the linguostylistic parameters of the chronological picture of vision were the methods used: the perspectivation method, the descriptive-analytical method, the semantic-contextual method, the comparative method. We found the following linguostylistic tendencies: at the stage of the field the globalization of the chronological picture of vision leads to the thematization of temporal objects at the worldly level and eternal symbols at the sacred-religious level of the evangelical parable discourse. At the stage of the angle of vision the aspectualization of the chronological perspective leads to the specification of the temporal objects: 1) the transience of visible time; 2) the finiteness of visible time. At the stage of the focus of chronological vision the focalization of aspects leads to the accentuation of ideas: the occurrence of an important event for a person as the discovery of time about himself; the idea of time as a spiritual action; the idea of the spiritual eternity of the eternal symbol of the Word of God.

Keywords: chronological perspective, spiritual point of view, field of chronology vision, angle of chronology vision, focus of chronology vision, gospel parable, interpretive linguostylistic features

For citation: Alekseeva EM. Chronological Perspective of Gospel Parable Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):120-127. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-120-127.

Введение

Категория времени как общезначимая категория текста является в ментальном отношении универсалией (наряду с категориями пространства, модальности, перспективы, интерпретации и т. д.). Проведенный рядом ученых анализ темпоральной категории показал, что время в тексте структурировано, как и любая другая моделирующая система [3; 4; 5; 6; 8; 14; 15 и мн. др.]. Художественное время способно изображать реальные события (процессуальность, длительность и др.) или быть оторванным от действительности (абстрактное время) [7; 13]. Мы полагаем, что категория времени может являться своеобразным манифестом текста, то есть воплощать его определенную идею и точку зрения наблюдателя [9; 17, с. 386–387]. В данной работе мы изучаем категорию времени, используя категорию текстовой перспективы [9; 10; 11], которая помогает представить время как хронологическую картину интерпретативного видения, что в свою очередь позволяет выделить нам претативность, т. е. уникальность, самобытность, своеобразии Верховной точки зрения.

Актуальность данной работы связана с тем, что концепция «текстохронологического перспективирования», соответствует, на наш взгляд, стоящим на повестке дня вопросам выработки универсальных категорий интерпретации текста и лингвостилистики, и потому нуждается в научном обосновании.

Объектом исследования выступает феномен хронологической интерпретативной перспективы в евангельском притчевом дискурсе.

Цель исследования — рассмотреть лингвостилистические параметры хронологической перспективы в евангельском притчевом дискурсе.

Для реализации обозначенной цели в ходе исследования необходимо выполнить следующие **задачи**: 1) определить категорию хронологической перспективы евангельской притчи; 2) описать параметры/этапы и особенности лингвостилистической репрезентации хронологической перспективы в евангельском притчевом дискурсе; 3) сравнить и сопоставить немецкоязычные и русскоязычные варианты перевода евангельских притч с целью демонстрации универсального характера хронологической перспективы на лингвостилистическом уровне.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выявлены лингвостилистические параметры отображения хронологической перспективы в тексте евангельской притчи на материале немецкого и русского языков.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования использованы тексты евангельских притч в немецком переводе (редакция 1964 г.¹) и их Синодальный перевод на русский язык², кроме того мы обращаемся к текстам притч на церковнославянском³ и греческом языках⁴.

Комплексный подход к изучению объекта научного исследования обусловил выбор следующих методов: метод перспективирования, описательно-аналитический, семантико-контекстуальный и сравнительно-сопоставительный методы.

¹ Die Luther-Bibel von 1984. URL: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/ueber-die-lutherbibel/> (дата обращения: 10.01.2025).

² Новый завет. Псалтырь. Притчи. М., 2005. 425 с.

³ URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.21:29-33> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.13:33> (дата обращения: 15.01.2025).

Результаты исследования и обсуждение

Категория хронологической перспективы описана в концепции театативной интерпретации Н. Д. Маровой в рамках понятия ноохронотопа (греч. *noos, nous* «дух, разум» + *chronos* «время» + *topos* «место»), и понимается как изображение временных параметров текстовой картины видения с точки зрения наблюдателя [10, с. 392–411].

Претативная (лат. *pretiose* «драгоценный») самобытность текста евангельской притчи связана с точкой зрения Иисуса Христа, которая манифестирует многомерную структуру всего евангельского притчевого дискурса, т. е. его хронологическое, пространственное и духовное содержание. Притча (греч. *παράβολη* «сопоставлять, сравнивать что-то с чем-то») своей онтологической параболичностью указывает на семантику слияния конкретного и абстрактного уровней, следовательно, на семантику взаимопроникновения имманентной и трансцендентной сфер. Категория трансцендентного (лат. *transcendere* «переступить, переходить за пределы») мыслится как области, выходящие за пределы нашего сознания, понятия в которых существуют априори и являются непостижимыми Абсолютами: Бог, душа, вечность и т. п. Категория *Вечности*, актуализирующаяся в качестве Высшей Трансценденции, становится в евангельском притчевом дискурсе смысловым (семантическим) ядром хронологической перспективы. Таким образом, под *хронологической перспективой евангельской притчи* мы понимаем совокупность временных параметров и объектов, представленных на конкретном / житейском и духовном / сакрально-религиозном / трансцендентном уровнях (т. е. чувственно недоступные), которые находятся в зависимости от точки зрения Высшего Наблюдателя и референтно обращены к семантическому ядру (символу) «время» / «Вечность».

Продемонстрируем первый этап перспективирования — поле видения, помогающий выявить объекты интерпретационной хронологической картины видения. На лингвостилистическом уровне — это глобализация видения, которая приводит к тематизации хронологической картины видения.

Поле хронологического видения на житейском уровне образуют неоднократно повторяющиеся объекты времени, выраженные существительными с темпоральной семантикой, которые тематизированы следующим образом:

– длительность отрезков времени: век, год, неделя (*die Welt, das Jahr, die Woche*);

– циклические природные явления: лето, утро, день, вечер, ночь, полночь, пение петухов (*der Sommer, der Morgen, der Tag, der Abend, die Nacht, die Mitternacht, der Hahnenschrei*);

– циклические события человеческой жизни, связанные с приемом пищи: обед, ужин (*die Mahlzeit, das Mittagmahl; das Abendmahl, das Abendessen*);

– часовой отрезок времени: час (*die Stunde*);

– торжественный прием: брачный пир, брак (*die Hochzeit*);

– возрастной период жизни (возрастная градация): дети, дева, младший сын, старший сын (*die Kinder, die Jungfrau, der jüngere Sohn, der ältere Sohn*);

– время сбора урожая: жатва (*die Ernte*);

– длительность, не имеющую границ: вечность (*die Ewigkeit*);

– длительность: время (*die Zeit*);

– физиологическое существование человека: жизнь (*das Leben*);

– прекращение жизни: кончина (*das Ende*).

Например, в притче «О Сеятеле» только в Евангелиях от Матфея и Марка (Мф. 13:3–23, Мк. 4:1–20) в русском переводе вводится темпоральный объект «век», обозначающий длительный промежуток, а в немецком переводе используется лексема «*die Welt*»: А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота **века** сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно (Bei dem aber unter die Dornen gesät ist, das ist, der das Wort hört, und die Sorge **der Welt** und der betrügerische Reichtum ersticken das Wort, und er bringt keine Frucht) (Мф. 13:22). В Евангелии от Луки в этой же притче в русском переводе данный объект не эксплицируется, однако в немецком переводе употребляется лексема *das Leben* (жизнь): Was aber unter die Dornen fiel, sind die, die es hören und gehen hin und ersticken unter den Sorgen, dem Reichtum und den Freuden *des Lebens* und bringen keine Frucht (А упавшие в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода) (Лк. 8:14).

На сакрально-религиозном уровне поле хронологического видения представлено многократно повторяющимися этерральными (лат. *aeternus* «вечный») символами, которые соотносятся со сферой Божественного, Вечного, т. е. со сферой, со-причастной Высшей Трансценденции, и тематизируются следующим образом:

– сверхъестественные бесплотные существа: Ангелы, Ангелы Божии (*die Engel, die Engel Gottes*);

– творец всего сущего: Бог (*Gott*);

– связующее звено между реальным и трансцендентным миром: Слово Божие, Слово о Царствии (*das Wort Gottes, das Wort von dem Reich*);

– внеземное, райское пространство: Царствие (Царство) Божие, Царствие Небесное (*das Reich Gottes; das Himmelreich, das Reich*);

– человеческая природа Иисуса Христа: Сын Человеческий (*der Menschensohn*).

Прием повторения темпоральных и этернальных символов на житейском и сакрально-религиозном уровнях, на наш взгляд, обуславливает не только глубину духовного видения Наблюдателя и богатство ассоциативных связей, но и подчеркивает эсхатологическую (греч. *ἔσχατον* «конечный, последний») и телеологическую (греч. *τέλειος* «цель, конец, совершение, завершение») претативность (важность) определенного символа, события / момента, а в итоге всей хронологической картины видения евангельского притчевого дискурса [16].

Продемонстрируем второй этап перспективирования — угол видения, помогающий раскрыть механизмы хронологической картины видения. На лингвостилистическом уровне — это интерпретативная аспектуализация видения, которая приводит к индивидуальной спецификации хронологического видения.

В приведенном выше примере из притчи «О Сеятеле» (Мф. 13:3–23, Мк. 4:1–20) темпоральный объект «*век (die Welt)*» актуализирует семантический признак «*бренность временного / материального мира*». Так, в русском переводе данный семантический признак усиливается посредством постпозиционного употребления указательного местоимения *сей* в значении «этот» (века сего), в немецком переводе эта деталь отсутствует. Лексема же *забота (die Sorge)* подчеркивает житейскую деятельность, направленную на благополучие лишь в земном мире. Обращает на себя внимание и разница в количественном обозначении объекта видения в немецком переводе у двух евангелистов, которая, как нам кажется, выражает особенность угла хронологического видения на житейском уровне. В немецком переводе множественное число лексемы *die Sorge* (в рус. переводе: *забота*) *die Sorgen der Welt* в Евангелии от Марка создает эффект умножения суетливой деятельности в земной жизни: А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота **века сего** и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно (*die hören das Wort, und die Sorgen der Welt und der betrügerische Reichtum und die Begierden nach allem andern drin-*

gen ein und ersticken das Wort, und es bleibt ohne Frucht) (Мк. 4:18–19).

В евангельской притче «О неверном управителе» (Лк. 16:1–13) выстраивается бинарная оппозиция темпорального объекта «*век (die Welt)*» и этернального символа «*свет (das Licht)*»: ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде (*denn die Kinder dieser Welt sind unter ihres gleichen klüger als die Kinder des Lichts*) (Лк. 16:8). Такая поляризация подчеркивает существование Иного / Вечного / бесконечного измерения бытия, наделенного Трансцендентным Светом. Кроме того, через прием антитезы проявляется отрицательная семантика темпорального объекта «*век (die Welt)*» «лишенный духовного света»: но теперь ваше время и власть тьмы (Лк. 22:53).

В притче «О плевелах» (Мф. 13:24–43) темпоральный объект «*век (die Welt)*» облагается семантическими признаками, связанными с «конечностью / преходящестью временного мира / земного существования»: жатва есть **кончина века** (*Die Ernte ist das Ende der Welt*) (Мф. 13:39); так будет при **кончине века сего**: (*so wird's auch am Ende der Welt gehen*) (Мф. 13:40). В обоих переводах употребляется слово высокого стиля *кончина (das Ende)*, что особо подчеркивает претативность рассматриваемого объекта «*век (die Welt)*». Однако в русском языке слово «кончина» имеет одно значение «*смерть*»⁵, в немецком — слово «*das Ende*» имеет несколько сем: *1. а) последняя, самая внешняя часть пространства, поверхности, место, где пространство, поверхность не простираются дальше, где это не продолжается; б) последний момент, последняя стадия события; 2. (высок) смерть; 3. а) (разг.) кусочек (небольшой); б) (разг.) расстояние (довольно большое); в) последняя, крайняя часть*⁶. Как видим, в немецком переводе также манифестируется семантика «выход за границы пространства». Так, через прием повторения усиливается семантика «преходящесть земного существования»: человеческое время изображается как преходящий, конечный срок. Кроме того, в этом же фрагменте хронологическая перспектива оформлена через проспекцию (опережение, предвосхищение) как прием изображения будущего особого события (лат. *pro* «вперед» + *specto* «смотрю»), который

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2020. С. 246.

⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: <https://www.dwds.de/wb/Ende> (дата обращения: 12.01.2025).

эксплицируется в грамматической форме будущего времени *so wird's <...> gehen (будет)*.

Продемонстрируем третий этап перспективирования — фокус видения, позволяющий усмотреть наиболее важные объекты текстохронологической картины видения. На лингвостилистическом уровне — это фокализация видения, которая приводит к хронологической акцентуализации и идеизации.

Темпоральные объекты на житейском уровне, обозначающие единицы суточного цикла и промежуток времени в 60 минут, выражают семантику «неожиданность, мгновенность», неоднократно повторяются как в пределах притчевой картины видения у двух или трех Евангелистов, так и в отдельных притчевых текстах одного Евангелия: «О благоразумном домоправителе» (Мф. 24:44–51, Лк. 12:41–48), «О десяти девах» (Мф. 25:1–13), «Об ожидании хозяина дома» (Мк. 13:33–37), «О бодрствующих слугах» (Лк. 12:35–40). Данные объекты фокусируют идею о наступлении некоего важного, духовного события для человека: ибо в который **час** не думаете, придет Сын Человеческий (Denn der Menschensohn kommt **zu einer Stunde**, da ihr's nicht meint) (Мф. 24:44); ибо, в который **час** не думаете, придет Сын Человеческий (Denn der Menschensohn kommt **zu einer Stunde**, da ihr's nicht meint) (Лк. 12:40). Как отмечает Н. Д. Арутюнова, в библейских текстах слова времени (время, день, час) употребляются в значении «срок» — время, уготованное для некоторого события [2, с. 52].

Более подробно рассмотрим третий этап перспективирования в притче «Об ожидании хозяина дома» (Мк. 13:33–37), поскольку в ней выявляются тонкие семантические аспекты хронологической перспективы [1]. Эффект мгновенности усиливается за счет употребления наречия *внезапно (plötzlich)*: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру, чтобы, придя *внезапно*, не нашел вас спящими (damit er euch nicht schlafend finde, wenn er plötzlich kommt, denn ihr wißt nicht, wann der Herr des Hauses kommt, ob am Abend oder zu Mitternacht oder um den Hahnenschrei oder am Morgen) (Мк. 13:35). Как нам думается, это свидетельствует об интерпретационном стигматоне, а точнее его разновидности стигмахроне или мгновении-времени (греч. *στίμη χρόνου* «миг, мгновение», букв. «укол времени»), как обозначении текстовой фигуры неожиданного перелома, сопровождающегося измененным состоянием времени [12, с. 413–440]. Происходит переключение фокуса с времени житейского на время ду-

ховное, т. е. указывается максимальная быстрота наступления значимого события для человека. «У Платона, <...> чуткого к тайне, мы находим замечательные мысли о том “внезапном”, которое, как он говорит, есть не время, а грань, и тем самым — прорыв в вечность»⁷. Ситуация *неожиданного и важного* поворотного пункта в духовной жизни человека фокусирует время как духовную деятельность, направленную на изменение «спящего» бытия (*schlafend*), так называемое «темпоральное поведение», что придает хронологической картине видения характер динамичности.

Время мыслится не просто как действие, но и как субстанция, находящаяся в распоряжении человека: Блюдите, бдите и молитесь: не встанте бо, когда время будетъ (Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время) (Мк. 13:33). Совокупные семантические компоненты глагола **бдеть**⁸ в церковнославянском переводе (*‘бодрствование’, ‘провождение времени без сна’, ‘молитва’ ‘труд’ ‘усердность к работе’*) претативизируют время как духовную ценность, которым следует дорожить. Сравните в притче «О настойчивой вдове» (Лк. 18:1–8): Сказал также им притчу о том, что должно *всегда молиться и не унывать* (Er sagte ihnen aber ein Gleichnis darüber, daß sie *allezeit beten und nicht nachlassen sollten*) (Лк. 18:1). Здесь «темпоральное поведение» (*молиться и не унывать*) интенсифицируется за счет использования наречия с семантикой «постоянство» *всегда (allezeit)*.

В рассматриваемой притче «Об ожидании хозяина дома» (Мк. 13:33–37) фокусируется идея особенного события, особого времени, как открытия времени о самом себе: Если обратимся к греческому переводу (византийской традиции) данной притчи, то обнаружим, что слово время обозначено лексемой **καιρός** (греч. *надлежащая мера, норма, надлежащая пора, подходящее время, благоприятный момент, момент, удобное место, жизненно важный центр*⁹: βλέπετε ἄγρυπνεῖτε οὐκ οἴδατε γὰρ πότε ὁ **καιρός** ἐστίν (когда наступит это **время**) (Мк. 13:33). Совокупные семантические признаки (*‘благоприятный*

⁷ Лосский В. Н. Догматическое богословие. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/dogmaticheskoebogoslavie/2 (дата обращения: 15.01.2025).

⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., Т 1. А–З. 1863. С. 50.

⁹ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bolshoj-drevnegrechesko-russkij-russko-drevnegrecheskij-slovar/> (дата обращения: 13.01.2025).

момент', 'жизненно важный центр') претативизируют время как некое важное событие. Наступит не время, в котором мы находимся, а момент духовного определения, которое раскроет нам свою суть и суть всего того, что ему предшествовало, для чего было все то, что свершилось раньше до наступления этого времени. Так, время становится некой мерой духовной жизни человека, мерой обнаружения своей истинной сущности. Таким образом, в притче «Об ожидании хозяина дома» (Мк. 13:33–37) время акцентуализируется как духовное действие («темпоральное поведение»: *nicht schlafend, beten und nicht nachlassen*) и как важное мгновение, как нечто одноразовое свершение (*καιρός*). Полагаем, что фокусируется своего рода фундаментальное откровение о трансцендентной структуре хронологической картины видения.

Подчеркнем, что в притче «О смоковнице и всех деревьях» (Мф. 24:32–35; Мк. 13:28–31; Лк. 21:29–33) через лексико-синтаксический параллелизм и проспекцию на уровне нескольких Евангелий акцентуализируется идея «духовная вечность» этернального символа *слово Мое, Слово Божие, Слово о Царствии (das Wort Gottes, das Wort von dem Reich)*: небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут (Himmel und Erde werden vergehen; aber meine Worte werden nicht vergehen). Семантика глагола «*vergehen*» свидетельствует о непостоянном, динамическом, преходящем временном характере неба и земли как обозначение тварного бытия в противоположность вечному бытию «*nicht vergehen*» Слова.

Заключение

Анализ хронологической перспективы в евангельском притчевом дискурсе показал следующее. На этапе *поля* видения *глобализация* хронологической картины видения на лингвостилистическом уровне приводит к *тематизации* темпоральных объектов и этернальных символов.

На этапе *угла* видения аспектуализация хронологической перспективы на лингвостилистическом уровне приводит к *спецификации* темпоральных объектов евангельского притчевого дискурса. Мы обнаружили, что хронологическая перспектива в евангельском притчевом дискурсе рассматривается в нескольких *аспектах*: 1) *бренность видимого времени*; 2) *конечность видимого времени*. Приемы противопоставления, проспекции, повторения, постозиция указательного местоимения усиливают поляризацию человеческого времени и Вечности («*век сей*» — «*свет*»), при этом многослойная образная ассоциативизация способствует углублению хронологического угла видения.

На *третьем* этапе перспективирования *фокализация* на лингвостилистическом уровне приводит к *акцентуализации* темпоральных объектов и этернальных символов евангельского притчевого дискурса и *идеизации* хронологической картины видения. Приемы интерпретативного стигмахрона (мгновение-время), проспекции, лексико-синтаксического повторения и параллелизма придают хронологической картине видения динамичность и способствуют акцентуализации следующих идей: о наступлении некоего важного, одноразового события / времени (*καιρός*) для человека как открытие времени о самом себе; идея о времени как о духовном действии / «темпоральном поведении» (*nicht schlafend, beten und nicht nachlassen*); идея о духовной вечности этернального символа Слово Божие (*das Wort Gottes*).

Как показал проведенный анализ, для хронологической перспективы характерны универсальные лингвостилистические тенденции выражения в исследуемых переводах: обнаружены общие черты ее манифестации на фоне некоторых отличий, не играющих значимой роли, а лишь подчеркивающие определенные семантические компоненты.

Список источников

1. Алексеева Е. М. Дополнительные характеристики сакрально-религиозной интерпретации евангельской притчи [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики 2024. № 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=69341577> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.
3. Бахтин М. М. Время и пространство в романе // Вопросы литературы. 1974. № 3. С. 133–179.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
5. Дымарский М. Я. Диалектика времени в тексте: элементы техники традиционного нарратива // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 11–29. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-11-29.

6. Лихачев Д. С. Внутренний мир произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–79.
7. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. 352 с.
8. Макарова В. А. Параллельное время как литема художественного времени литературного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 4. С. 259–263. DOI 10.30853/filnauki.2019.4.54.
9. Марова Н. Д. Диалоги о перспективе текста. Алма-Ата: КазГУ, 1989. 94 с.
10. Марова Н. Д. Интерпретация текста как категория театации: в 2-х ч. Екатеринбург, 2022. Ч. 2. 444 с.
11. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2 ч. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. 209 с.
12. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2-х ч. Екатеринбург, 2006. Ч. 2. 503 с.
13. Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 472 с.
14. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высшая школа, 1979. 219 с.
15. Успенский Б. А. История и семиотика: (Восприятие времени как семиотической проблемы) // Труды по знаковым системам. Вып. 855. Т. 23. Тарту, 1989. С. 18–38.
16. Фомин А. Г., Карачева Н. С. Принципы интерпретации библейских пророческих текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 84–91. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-84-91.
17. Schmidt S. J. Gedächtnis-Erzählen-Identität // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / Hrsg. von A. Assmann, D. Harth. Frankfurt am Main: Fische taschenbuch Verlag, 1991. S. 378–395.

References

1. Alekseeva EM. Dopolnitel'nye harakteristiki sakral'no-religioznoj interpretacii evangel'skoj pritchi = Additional features of the sacral-religious interpretation of the evangelic parable [Electronic resource]. *Aktual'nyye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* 2024;(1). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=69341577> (accessed: 15.01.2025). (In Russ.).
2. Arutyunova ND. Vremya: modeli i metafory = Time: models and metaphors. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya.* = Logical analysis of language. Language and time. Moscow, Indrik, 1997. Pp. 51-61. (In Russ.).
3. Bahtin MM. Vremya i prostranstvo v romane = Time and space in the novel. *Voprosy literatury = Questions of literature.* 1974;(3):133-179. (In Russ.).
4. Bahtin MM. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерки po istoricheskoy poetike = The forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. *Voprosy literatury i estetiki = Questions of literature and aesthetics.* Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1975. Pp. 234-407. (In Russ.).
5. Dymarskij MYa. Dialektika vremeni v tekste: elementy tekhniki tradicionnogo narrative = Dialectics of time in the text: elements of the technique of traditional narrative. *Kritika i semiotika = Criticism and Semiotics.* 2024;(2):11-29. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-11-29. (In Russ.).
6. Lihachev DS. Vnutrennij mir proizvedeniya = The inner world of the work. *Voprosy literatury = Questions of literature.* 1968;(8):74-79. (In Russ.).
7. Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya = Logical analysis of language. Language and time. Moscow: Indrik, 1997. 352 p. (In Russ.).
8. Makarova VA. Parallel time as a liteme of artistic time in a literary text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* = *Philology. Theory & Practice.* 2019;12(4):259-263. DOI 10.30853/filnauki.2019.4.54. (In Russ.).
9. Marova ND. Dialogi o perspektive teksta = Dialogues about the perspective of the text. Alma-Ata, 1989. 94 p. (In Russ.).
10. Marova ND. Interpretaciya teksta kak kategoriya teatacii = Interpretation of the text as a category of the- atation: in 2 Vol. Ekaterinburg, 2022. Vol. 2. 444 p. (In Russ.).
11. Marova ND. Paradigmy interpretacii teksta = Paradigms of text interpretation in 2 Vol. Ekaterinburg, 2006. Vol. 1. 209 p. (In Russ.).
12. Marova ND. Paradigmy interpretacii teksta = Paradigms of text interpretation in 2 Vol. Ekaterinburg, 2006. Vol. 2. 503 p. (In Russ.).

13. Rossiya: izmenyayushchij obraz vremeni skvoz' prizmu yazyka. Repräsentaciya koncepta vremeni v russkom yazyke v sopostavlenii s anglijskim i nemeckim yazykami = Russia: the changing image of time through the prism of language. Representation of the concept of time in Russian in comparison with English and German. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2012. 472 p. (In Russ.).

14. Turaeva ZYa. Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoe i vremya hudozhestvennoe = Time category. Grammatical time and artistic time. Moscow, Vysshaya shkola, 1979. 219 p. (In Russ.).

15. Uspenskij BA. Istoriya i semiotika: (Vospriyatие vremeni kak semioticheskoy problemy) = History and semiotics: (Perception of time as a semiotic problem). *Trudy po znakovym sistemam = Works on sign systems*. 1989;855(23):18-38. (In Russ.).

16. Fomin AG., Karacheva NS. Principy interpretacii biblejskih prorocheskih tekstov = Principles of interpretation of Biblical prophetic texts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;(3(485):84-91. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-84-91. (In Russ.).

17. Schmidt SJ. Memory-Telling-Identity. Mnemosyne. Forms and functions of cultural memory. Frankfurt am Main: Fische taschenbuch Verlag, 1991. Pp. 378-395. (In Germ.).

Информация об авторе

Е. М. Алексеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования.

Information about the author

E. M. Alekseeva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Professionally Oriented Language Education.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.